

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
Э. ПЕТЕРСОН

ТОЛЬКО
БУДЬ
СО МНОЙ!

.

МУЖЧИНА
С ПОНЕДЕЛЬНИКА
ПО ПЯТНИЦУ

.

ЛИШЬ ШАГ
ДО ТЕБЯ

.

СПУСТЯ ДЕСЯТЬ
СЧАСТЛИВЫХ
ЛЕТ

.

ВСЕ РАДИ ЛЮБВИ

.

ДЕВУШКА
С ГЛАЗАМИ ЦВЕТА
НЕБА

.

ЭЛИС
ПЕТЕРСОН
ПИСЬМА МОЕЙ
СЕСТРЫ

Москва
2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
П29

Alice Peterson

LETTERS FROM MY SISTER

Copyright © 2005 by Alice Peterson

Перевод с английского И. Гиляровой

Художественное оформление Р. Фахрутдинова

Петерсон, Элис.

П29 Письма моей сестры : [роман] / Элис Петерсон ; [пер. с англ. И. Гиляровой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Все будет хорошо! Романы Э. Петерсон).

ISBN 978-5-699-94878-9

Кэти Флэтчер – успешная бизнес-леди, владелица собственного бутика модной одежды. Все женщины ей завидуют, ведь рядом с ней любящий мужчина, с которым каждый день похож на сказку. Но счастливая жизнь Кэти рушится в один миг, когда на пороге ее дома появляется незваная гостья, чье существование Кэти долгие годы пыталась скрывать.

**УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44**

© Гилярова И.,
перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-94878-9

*Посвящается моей сестре Эллен.
И Софи, вдохновившей меня на эту книгу.*

2004

— Доброе утро, Эдди.

— Как обычно, Кэти? — Он включает кофемашину. — Ты что, уезжала куда-то?

— Да, я была две недели в Париже, по делам. На дефиле-шоу.

— Париж и дефиле? Для меня это звучит как праздник.

— Ага! Только представь, тебе надо рыться в одежде трех тысяч модельеров. Через несколько дней у тебя пропадет всякий интерес, уверяю! Чувствуешь себя как на скотной ярмарке, где продают коров.

— Порция капучино и сверху органический шоколад?

— Чудесно.

— Впереди тяжелый день?

— Да, очень. Никакого роздыха, увы.

— У тебя опять новый цвет волос, — замечает он.

Я киваю.

— Сегодня вечером у меня фэшн-шоу, демонстрация новых идей. — Я роюсь в сумочке, отыски-

вая подходящие купюры. — Эдди, хочешь пойти? У меня осталось еще много билетов.

Он улыбается.

— Пожалуй, в следующий раз. Ну, до завтра.

— Пять минут! — кричу я моделям, пытаюсь отвлечься от назойливых запахов лаков для волос и пенок для укладок, витающих в гримерке. Где же Сэм? Я набираю на мобильном его номер.

— Кэти, я уже еду, клянусь, — бормочет он в трубку. — В кэбе. — Он изображает шум мотора. — Да, налево, приятель.

— Сэм! — В трубке ясно слышится звонок телефона. — Ты все еще в офисе, да?

— Через полчаса буду, — заверяет он меня.

— Сэм, ты мне очень нужен.

— Осторожнее, так слишком туго! — визжит Генриетта, одна из моих моделей. — Ты точно профессионалка? Что-то непохоже!

— Пожалуйста, приезжай скорее. — Я нажимаю на кнопку отбоя и с тяжелым вздохом возвращаюсь в гримерную. Хен сидит в углу и с недовольной гримасой поглаживает свою светлую прядь.

— Хен, пять минут, — говорю я, отсчитывая на пальцах: — Раз, два, три, четыре, пять. Пусть она займется твоими волосами.

Я смотрю на хаос из туфель на высоких каблуках и на вешалки с черной одеждой, ждущей показа. У меня на Турнхем-Грин есть бутик FIB, что значит «Female in Black» («Женщина в Черном»). Мы продаем дневную и вечернюю одежду и аксессуары, а сегодня у нас показ летней коллекции. Разуме-

ется, наряды наши в основном черные, кроме некоторых аксессуаров и иногда вспышки цвета для контраста. Теперь я устраиваю модные показы два раза в год; работа тяжелая, но она окупается. Сегодняшний показ проходит в Чизуик, в доме одного из клиентов Сэма. Дом такой большой, что хоть марафон в нем устраивай. И превосходное место для показа, потому что моим местным клиентам не нужно далеко ехать. Владельцы по минимуму потратились на дизайн интерьера: дощатый пол, белые стены, софиты, современная живопись, зеркала в позолоченных рамах. По сути, почти клон жилища Сэма, только у него оно вдвое меньше.

Зрители рассаживаются по местам; я слышу знакомые звуки — шарканье ног, скрип стульев. Как обычно, к этому моменту мои нервы уже звенят от напряжения. Я нервно отпиваю полбокала шампанского, розовая помада размазывается по ободку.

— Твой бокал наполовину полон или наполовину пуст? — первое, что сказал мне Сэм, когда мы с ним встретились меньше года назад на чьей-то вечеринке. Потом: — Позволь мне его пополнить. — И подмигнул напоследок.

Будь он не таким привлекательным, я бы, пожалуй, вежливо отказалась. Я даже оглянулась, чтобы убедиться, что он обращался именно ко мне; что он взял мой бокал водки с тоником...

Ив, моя сотрудница из FIB, сообщает, что фотограф хочет быстро переговорить со мной перед началом показа и что приехал кто-то там из прессы.

— Удачи, девочки, — желаю я. — Держите класс, чувствуйте себя классными, ведь вы точно классные! — Кажется, одна из моделей вытаращила на меня глаза?

Быстрый взгляд в зеркало. На мне одно из тех платьев, которые мы показываем сегодня: черное, воротник хомутиком, длина ниже колена. Вокруг шеи и на груди полоски из серебристого бисера; низкий вырез на спине с серебристыми пуговицами. Мой наряд дополняют серебристые туфли без задника. Свои темно-каштановые волосы я перекрасила в черный цвет и заколола на затылке белой розой.

Показ открывает модель в атласном топе и черной хипстерской юбке с поясом, расшитым серебристым, мерцающим под софитами, и черным бисером. В одной руке у нее черная атласная сумочка с маленькой серебряной застежкой, в другой бокал для коктейля. Я решила открыть вечер головокружительной инъекцией гламура. Скользящей походкой модель проходит по деревянному полу к камину. Зрители провожают ее восторженными аплодисментами. В этот момент я вижу Эмму, мою школьную подругу. Она садится на стул в заднем ряду. Ее трудно не заметить. Рост Эммы почти шесть футов, и в школе, когда мы играли в нетбол, она всегда была голкипером. Одними губами она говорит мне «Привет» и раскрывает программку.

Сэм, где ты?

Начинает звучать песня «Убийство на танцполе» Софи Эллис-Бекстор. Выходит следующая модель, та капризная Генриетта, огорченная, но решительная, с волосами, завязанными в конский хвост. Ее мать, сидящая в первом ряду, с обожанием смотрит на дочь. «Генриетта и мать» всегда вместе, в одной упаковке, словно шарик и веревочка. Мать у Хен хромая, но при деньгах, и если ее усадить в углу моего бутика в шезлонг, задобрить несколькими бокалами чего-нибудь эдакого и вообще обращаться с ней как с королевской особой, она скупит своей дорогой дочке Генриетте почти весь мой ассортимент. «Все, что тебе нравится, я не против», обычно бормочет она в сгущающемся тумане. Сэм часто интересуется: была ли у меня та «старая жаба в углу»? Он знает, что если была, то его ждет удачная ночь.

Когда песня достигает своего апогея, Генриетта театрально поворачивается, бросает быстрый взгляд на мать — та сразу одобрительно стучит о пол своей палкой — и покидает зал. Пока все идет хорошо. Все переговариваются, в зале стоит шум. Зрители с интересом заглядывают в программки, что-то записывают — а это всегда хороший знак.

Следующая девушка появляется, вальсируя, в вечернем платье с узором «зебра» и с красной шалью. Это один из моих любимых образцов. Ее волосы окрашены в черный как смоль цвет, коротко острижены, с острой челкой — стиль «Чикаго». Поет Стиви Уандер, «Предрассудки». Я ерзаю на

стуле. Эта песня всегда напоминает мне о доме. О школьных годах. Я словно услышала крик из маминой студии «Выключи этот чертов шум!», когда из спальни сестры целыми днями звучало «Я просто позвонил, чтобы сказать, что я люблю тебя!». Совсем другой мир.

Я вспоминаю о Беллс. У меня перед глазами возникает ее письмо, торчащее из моего кожаного ежедневника, ее знакомый, аккуратный почерк. Я даже не открыла его. Каждое ее письмо вызывает у меня обострение чувства вины, потому что никогда не отвечаю на них. Хочу, но мне мешает то одно, то другое — поездки за границу, работа, рестораны, занятия йогой, вечеринки, Сэм...

— Неужели трудно сесть и написать ей хоть одно письмо? — ругает меня папа. — Она будет очень рада.

В конце шоу все модели выходят к зрителям. Фотограф из «Татлера» делает финальный снимок.

— В заключение я хочу поблагодарить мистера Тодхантера за то, что он позволил мне воспользоваться для организации показа его восхитительным домом. Тем более что я обратилась к нему не заблаговременно, а совсем недавно, — объявляю я. Под общие аплодисменты я жму ему руку. — Прошу всех не уходить. Будет фуршет. Еще раз спасибо всем, кто сегодня пришел.

Я пожимаю руки, чмокаю в щеки, двигаюсь сквозь толпу в ореоле комплиментов, слыша «Чудесное шоу, Кэти», или «Изумительно», или «Дорогая! Ты выглядишь на миллион долларов». Мой бокал

постоянно пополняется шампанским, а во мне бушует адреналин. Ив сообщает мне, что фотограф хочет сделать мою фотографию для газеты. Я приветствую его и изображаю свою лучшую улыбку, стараясь не показывать слишком много зубов.

— Благодарю, — говорит он, сфоткав меня, и добавляет: — Шикарное шоу.

— Спасибо, что пришли, — отвечаю я и на секунду едва не теряю равновесие. Хмель уже подобрался ко мне. Хорошо бы парень заретушировал потом эти противные красные пятна на моих щеках.

Теплая рука, скользнув по моей талии, поворачивает меня на сто восемьдесят градусов.

— Сэм.

— Поздравляю, детка, это была сенсация. — Он целует меня. Его упругая кожа нежно касается моей щеки.

— Ты пропустил половину. — Я улыбаюсь, а не укоряю, моя нервозность улеглась при виде него.

— Я видел лучшую половину.

— Извини за то, что я рывкнула на тебя, Сэм. Это был мой обычный приступ паники перед шоу.

— Все круто, не беспокойся. — Он ослабляет галстук, наклоняется ко мне и шепчет: — Здесь старая жаба в углу?

Я замечаю, что ко мне пробирается Эмма, одетая в деловые черные штаны и бирюзовый кардиган, оживляющий ее оливковую кожу. Она клинический психолог и, скорее всего, явилась сюда прямо с работы. Но не успеваем мы поздороваться, как...

— Кэти, дорогая, это было лучшее шоу из всех, — заявляет Антония, одна из моих клиенток,

живущая за углом от моего бутика. — Увы, мне надо сначала избавиться от моего живота, он вырос у меня после родов. И уж потом я смогу думать о том, чтобы купить что-нибудь из твоих нарядов. Ведь они годятся только на стройную фигуру.

— Антония, ты быстро восстановишься, — заверяю я, — и очень скоро наденешь мои платья.

— Правда? — Она краснеет и прикладывает ладонь к щеке. — Ну я могу заскочить к тебе завтра и устроить примерочный пир. Скоро мне предстоит идти на торжества по случаю помолвки. Все будет очень церемонно, обед и всякий там разный джаз.

— Ну, я уверена, что FIB поможет тебе. Как твой малыш?

— Ой, я готова отнести его назад в магазин, — она смеется своей шутке, — и попросить назад деньги. Я мечтаю выспаться хоть пару ночей.

Сэм, Эмма и я понимающе киваем, хотя никто из нас понятия не имеет о родительских хлопотах. Эмма из нас ближе всего к деторождению, поскольку помолвлена с Джонни. Что до меня, то одна лишь мысль о ребенке вызывает у меня панику. Я скорее соглашусь жить на компостной куче, чем пройти через все стрессы и хлопоты, как моя мама.

— Антония, это Эмма, моя старинная школьная подруга, а это Сэм, мой... — Партнер? Вторая половинка? Нет. — Мой бойфренд, — подбираю я наконец подходящее определение.

— Ну, я настоятельно советую вам обоим предохраняться. — Она кивает Сэму, мне и снова подкрепляет смехом свой юмор. — Это немыслимо *изматывает*. Честно говоря, мне никогда не хоте-

лось иметь двух детей, но бедный маленький Билли очень просил подарить ему братика или сестру. Мой муж сказал, что иметь только одного ребенка эгоистично. К тому же считается, что единственный ребенок вырастает испорченным негодяем, не так ли?

— Вот я единственный ребенок, — вмешивается Сэм и проводит ладонью по волосам. Я замечаю, как он подмигнул Эмме.

Антония снова розовеет.

— Кэти, а у тебя есть семья? Я уверена, что они гордятся тобой и тем, чего ты добила. Открыть собственный бизнес и сделать все это. — Она обводит взглядом зал. — Они были здесь сегодня?

— Нет, к сожалению, не смогли. — Я выразительно смотрю на Эмму и Сэма в надежде, что они как-нибудь сменят тему. Сэм вместо этого спрашивает, где здесь туалет, и уходит.

— Какая жалость. У тебя есть братья? Сестры? — продолжает допрос Антония.

Я оглядываюсь по сторонам. Сэм меня не спасет.

— Нет, я одна.

Эмма меряет меня суровым долгим взглядом. Занятно, что невинный вопрос может обладать таким мгновенным отрезвляющим эффектом.

— О! — говорит Антония. — Но ничего. Быть единственным ребенком тоже нормально. Как я сказала, я бы охотно остановилась на одном, — продолжает она, закапывая себя в еще более глубокую нору.

— Эмма, не надо, — предупреждаю я подругу, когда Антония наконец отходит от нас.